

УДК 821.161.1 (Русская литература)

О СУДЕ ЗЕМНОМ И СУДЕ НЕБЕСНОМ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ XVIII ВЕКА

© 2021 Ю.Н. Борисов

Борисов Юрий Николаевич, кандидат филологических наук, доцент.

E-mail: yunborisov@yandex.ru

Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
Саратов, Россия

Статья поступила в редакцию 15.05.2021

Семантика и поэтика смыслообразующей апелляции к Суду Божию в сатирической комедии, посвящённой обличению несправедливого суда и бездушных судейских чиновников, рассмотрены в статье на материале пьес Д. И. Фонвизина, Н. Р. Судовщикова и В. В. Капниста.

Ключевые слова: русская комедия XVIII века, сатира, мотив.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-56-59

Введение. Наследник комедийной традиции XVIII века князь А.А. Шаховской, дополняя известную формулу А. П. Сумарокова («Эпистола о стихотворстве», 1747):

Свойство комедии — издевкой править нрав; / Смешить и пользовать — прямой ея устав [5, с. 141], — и обобщая опыт послесумароковской комедии, писал в 1820 году: «Обязанность сочинителя комедий начинается там, где умолкает власть законов. Вредные обычаи, закоренелые предрассудки, буйные страсти, безрассудные нововведения, невежество, чванство и подлость, не подлежащие гражданской казни, выводятся им пред народное судилище и казнятся осмеянием». В этом видит драматург высокую социальную роль своего искусства, поскольку «кто более комического автора может содействовать общественному благу: цели мудрого правительства» [7, с. 11-12]. Если вынести за скобки верноподданнический тон князя-комедииграфа, то под его декларацией подписались бы и менее лояльные собратья по перу, имея в виду подлинно мудрое правительство, место пребывания которого оказывалось, увы, лишь в идеальном пространстве просветительских теорий. На нижних этажах властной вертикали, с которыми, согласно классицистическому разделению предметов ведения между жанрами, имела дело комедия, самые благие намерения высшей власти искажались до неузнаваемости: все упиралось в «человеческий фактор», если воспользоваться современной формулой. О несовершенство человеческой природы разбивались самые решительные цивилизационные устремления правителей-реформаторов, тем более что такие всепроникающие пороки, как невежество и мздоимство, находили себе приют и на верхних этажах. В подобных обстоятельствах работу по очищению от скверны, с кото-

рой не справлялась судебная ветвь власти, брала на себя сатира, апеллируя при этом к высшей силе Божия суда. Земной же суд в лице его вершителей-чиновников сам становился объектом бескомпромиссного сатирического расследования.

История вопроса. По глубокому наблюдению О.Б. Лебедевой, «весь эволюционный ряд русской комедии вообще, начиная от Сумарокова и русской высокой комедии от Фонвизина до Грибоедова и Гоголя, в большей или меньшей мере использует в своем мирообразе мотивы суда, судей и суждения, периодически варьируя их содержание однокоренными понятиями рассудка и судьбы даже и в сюжетах, конкретно с юриспруденцией никак не связанных. Финалы очень многих комедийных текстов выстраиваются — хотя бы и только в словесном плане — как картина гибели и казни порочного персонажа или даже как зрелище эсхатологического разрушения комедийного мирообраза. В качестве ассоциативно-метафорического фона эти сюжетные уровни текста неизменно сопровождают или сакральная формула “Страшный Суд”, или мотивы страха и суда, на которые она разлагается» [3, с. 325]. Быть может, с наибольшей наглядностью это свойство отечественной комедии, смыслообразующая апелляция к высшему, Божью Суду обнаруживается в комедийных сюжетах, посвященных суду земному.

Методы исследования. С помощью приемов целостного филологического анализа художественного текста попытаемся проследить, как интересующий нас мотив эксплицируется не только в сюжетном сложении, но и в словесно-образной ткани комедии.

Результаты исследования. Тема несправедливого суда и бездушных судейских — одна из магистральных в русской обличительной словесности

XVIII века. Уже в «Сатире I. К уму своему. На хулящих учения» (1729) А. Д. Кантемира — своего рода «конспекте» всей последующей сатирической литературы века Просвещения — намечен основной круг мотивов, из которых будут складываться «судейские» сюжеты русской комедии: корыстолюбие, содействие не правому, а богатому и щедрые дары приносящему; бессердечие и неспособность сочувствовать обиженному и страдающему; нерадение к делу и непрофессионализм; презрение к идейным ценностям просвещенного сознания и глубокое невежество. Те же мотивы будут поддержаны и развиты в сатирической журналистике.

Знаменательно, что уже в первой оригинальной русской комедии нравов — пьесе Фонвизина «Бригадир», интрига которой построена на комическом любовном многоугольнике, — сатирический мотив судьи-мздоимца и несправедливого суда, включенный в развертывание организующей темы произведения — темы воспитания, представлен весьма основательно. Отрицая на примере галломанствующего Иванушки благотворность иноземного воспитания, драматург пристально вглядывался в то, чему способны научить, какую мудрость могут передать в наследство молодому человеку старшие соотечественники. Наблюдения его на этот счет неутешительны.

За каждым из персонажей, соревнующихся в поучениях, адресованных Ивану, приоткрывается опыт прожитой жизни и соответствующая немудреная система ценностей. В высказываниях и поступках Советника постоянно проступает его судейское прошлое: «Я сам, правду сказать, неохотно говорю о том, о чем, разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на уложение» [6, с. 128], как у Бригадира — армейское, а у Бригадирши — замкнутое на экономии и ведении домашнего хозяйства.

Вся «философия» и технология служения правосудию, как понимает их Советник, обозначены уже в его первой реплике, обращенной к будущему зятю: «А я могу и о тебе также сказать, дорогой зятюшка, что в тебе путь будет. Прилежи только к делам, читай больше <...> паче всего изволь читать уложение и указы. Кто их, будучи судьей, толковать умеет, тот, друг мой, зятюшка, нищим быть не может» [6, с. 126]. Данная судье власть и сила закона используются не для защиты правого и наказания виновного, не во благо общественное, но для достижения корыстной цели, оправдывающей «тяготы» чиновничьей службы: «<...> я до советничества в Москве ослеп в коллегии. В утешение осталось только то, что меня **благословил Бог достаточком, который нажил я в силу указов**» [6, с. 127; здесь и далее текст жирным шрифтом в цитатах выделен мною. — Ю.Б.).

Убежденность Советника в богоугодности судейских плутней не только свидетельствует о непросвещенности сознания и моральной слепоте

персонажа, но и указывает на причину чиновничьего лихоимства в попустительстве со стороны высшей светской власти, имеющей, согласно представлениям эпохи, божественное происхождение. Именно высшая власть оставалась тем единственным институтом, к которому могло апеллировать общество и сатирик, как его представитель, в борьбе с носителями порока на нижних уровнях властной вертикали. Не случайно добровольная отставка Советника мотивирована появлением в 1762 году указа Екатерины об истреблении взяточничества, что лишало смысла продолжение службы на ниве правосудия. По словам Советницы, муж «ушел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве. Он увидел, что ему в коллегии делать стало нечего <...>» [6, с. 131].

Однако сатирический портрет русского судьи, детально выписанный Фонвизиним как изображение «уходящей природы», сохранял свою актуальность и узнаваемость десятилетия спустя после первого представления «Бригадира». Выразительность и впечатляющая сила этого портрета во многом определялась тем, что судья был показан не в ситуациях служебной деятельности, а в домашней обстановке и повседневных отношениях с окружающими — и здесь неизменно в поведении персонажа срабатывают те навыки мышления, которые сложились в процессе его долготелней практики «кривосудия». В разговоре с дочерью Советник с удовольствием вспоминает излюбленные приемы предвзятого «толкования» законов как средства получения прибыли, представляя своего рода коррупционную гармонию.

Свой принцип обращения с законами, установленными земной властью, Советник переносит и на отношения с законом, установленным Небесной Властью. Ничего он не сделает без ссылки на Бога, милость которого рассчитывает купить молитвами и постами, как его собственную судейскую милость покупают щедрыми приношениями челобитчики. «Мой урод, — признается Советница в разговоре с Иваном, — при всем том еще ужасная ханжа: **не пропускает ни обедни, ни заутрени и думает, радость моя, что будто Бог столь комплезан** (снисходителен. — Ю.Б.), **что он за всенощную простит ему то, что днем наворовано**» [6, с. 131]. В исполненной искрометного комизма сцене обольщения Бригадирши Советник демонстрирует отточенное в судебном крючкотворстве мастерство «толкования» Священного Писания, облакая свои греховные адюльтерные притязания в богословскую и богослужебную лексику. А своей вольнодумной супруге, посмевшей заговорить о разводе, напоминает: «Без власти Создателя и Святейшего Синода развестись нам невозможно» [6, с. 127]. Присутствие религиозной темы в смысловом пространстве комедии задает масштаб обличения судей неправедных, напоминает о Божием Суде, которого не избежать мастерам «кривосу-

дия», нарушающим высший нравственный закон, завещанный Христом каждому человеку. Фигура Советника, русского Гарпагона и Тартюфа в одном лице, «стяжателя-развратника, прикрывающегося маской святоши» [1, с. 37], которому доверена власть вершить правосудие, предстает в пьесе как источник и воплощение социального зла. И русские комедиографы еще не раз вернуться к теме, столь рельефно намеченной в словесной ткани первой отечественной комедии нравов. В комедиях Н.Р. Судовщикова и В.В. Капниста господина Кривосудовы предстанут на сцене непосредственно **действующими**, а российская судебная власть окажется остроактуальным предметом сатирического анализа.

«Неслыханное диво, или Честный секретарь» и «Ябеда» близки хронологически и тематически, обе пьесы проникнуты пафосом обличения судейского произвола и лихоимства. Главным средством сатиры в этих комедиях служат не столько смеховые приемы, сколько последовательно проведенный принцип обнажения порочного начала в мотивах поведения и поступках персонажей. Комизм развертывающейся в пьесе картины жизни заключается в том, что порок в самосознании отрицательных героев тщится заступить место добродетели, не прикрывая благообразной маской своего мерзкого обличья, и внешне обнаруживает себя с циничной откровенностью. По признанию Кривосудова, героя «Неслыханного дива», **«совесть лишь нужна монахам да попам»**, «а совесть для судьи совсем ненужно чувство» [4, с. 559]. В диалоге о совести завязывается важный для смысловой структуры пьесы словесно-образный сюжет: если в представлении Кривосудова «совесть для судьи совсем ненужно чувство» и в этом отношении судья противопоставляется «монахам да попам», то есть людям, посвятившим себя служению Богу, то кому же служит судья? На протяжении всей пьесы вокруг Кривосудова складывается своего рода «бесовский» контекст: в репликах самого персонажа, высказываниях о нем, в характеристиках его ближайшего окружения образуется лексико-семантическое поле 'нечистая сила', в котором даже устойчивые обороты, относительно десемантизированные в речевом обиходе, актуализируют свои исходные значения. Приведем выборочно текстовые фрагменты этого смыслового ряда. Из речевой партии Кривосудова: «**Божусь**, что сей расчет **ни к черту** не годится» [4, с. 559]; «Мне **богословии уж поздно обучаться**» [4, с. 560]; «Ну, что целуешь руку? **Ведь я не архиерей...**» [4, с. 578]; «Но в тихом омуте всегда бывают **черти**» [4, с. 583]; «... угодем будешь **черту** / И прямо **в ад** пойдешь» [4, с. 585]; «**Не черт велел принять** / Его в секретари» [4, с. 610]. Из реплик других персонажей о Кривосудове: «**Унес ли черт его?** Да нет, не провалится, / Придет опять сюда, — и смерть-то, знать, боится / **Такого лешего**, не поберет его!» [4, с. 567]; «**Вот**

дернул черт спросить!» [4, с. 586]; «Знать, **дьявол из болота** / К нему таскает всё» [4, с. 589]; «**Сам черт не разберет**, / Какие у него пронырства и ухватки!» [4, с. 610]; «**К судьям как в ад** придешь: заткнуть всем надо глотку...» [4, с. 591]; «Милена плачет взрыд, а **старый черт** бранится» [4, с. 611]. Сюда же можно отнести реплику Подрядчика, потрясенного неподкупностью честного секретаря: «Я сам себе не верю и боюсь, / **Не в наважденье ль я бесовском состоюсь?**» [4, с. 591].

Усилению мотива «бесовского наваждения», сопровождающего роль Кривосудова, способствуют фигуры ближайших сподвижников судьи, его дворника и первого помощника в актах вымогательства Асмодея и ближайшего друга, желанного кандидата в зятя поручика полицейской службы Крюкостроя. Первый своим демоническим именем и подчеркнутой в тексте хромотой пародийно ассоциируется с фантастическим персонажем «Хромого беса» Д.Р. Лесажа (русский перевод вышел в 1775 году). Другим прецедентным текстом, позволяющим предполагать в Асмодее и Крюкострое парных персонажей, на наш взгляд, мог послужить сатирический журнал Ф.А. Эмина «Адская почта, или Перепечатка под заглавием «Адская почта, или Курьер из ада с письмами» была издана П.И. Богдановичем в 1788 году и вторично, возможно, в 1792-м, что актуализировало сочинение Ф.А. Эмина как раз ко времени создания пьесы Судовщикова. Если в рисунке роли Асмодея обыгрывается хромота (слуга Провор обращается к нему: «Послушай, **черт хромой!**» [4, с. 568], то в портрете Крюкостроя — его одноглазие, то есть кривость. Уже в начале пьесы Кривосудов, сообщая Милене о выбранном для нее женихе, напоминает: «<...> ну тот, который в прошлом годе / **Глаз выколол себе** у нас на огороде» [4, с. 548]. И далее в характеристиках одноглазого поручика выстраивается достаточно выразительный ассоциативно-тематический ряд: «И стар, и **крив**, и пьян, и офицер квартальный» [4, с. 570]; «Чтоб в **благочинные** нам **когти** не попасться» [4, с. 571]; «<...> кто сердцу моему / **Страшнее фурии!** Всего **страшнее ада!**...» [4, с. 575]; «Он ростом невелик — **лицом такой фатальный**» [4, с. 577]; «<...> **коварнейшую** душу» [4, с. 578], «сие **прегнусное творенье**» [4, с. 578]; «<...> слышал уж от многих, / Что **дали вам команду хромоногих** / И с оной велено на месяц осадить / Тюрьму градскую» [4, с. 614]. Ближе к концу пьесы данный мотив разрастается до прямого упоминания антихриста и светопреставления, и тогда прорывается на поверхность глубоко запрятавшийся страх предавшегося греху Кривосудова: «Оставь, пожалуйста! Мне речь страшенька эта. / Ох! Смерти я боюсь!..» [4, с. 596]. Но это лишь мгновенно промелькнувшее чувство сразу заглушается возвращением к привычному ходу повседневных забот

судьи-взяточника. Наконец, в самом остром столкновении с Кривосудовым честный секретарь Правдин завершает проведение мотива столь обобщающе сильными определениями, как «святотатство» и «безбожно» [4, с. 608]. А в «Ябед» В.В. Капниста перепуганный Кривосудов сообщает о Правдолюбe, кандидате на пост губернатора: «**Правдив, как Страшный Суд**» [2, с. 336].

Выводы. Таким образом, антитеза суда земного и Суда Небесного последовательно поддерживается концентрацией inferнальных, демони-

ческих ассоциаций вокруг образа судебной ветви государственной власти. Сквозь комедийно-бытовой строй пьес проступает смысловой пласт «высшего значения» (А.С. Грибоедов), комедия подключается к пространству высоких жанров. Не случайно итоговый и, увы, провидческий смысл приобрел афоризм, вышедший из текста Капнистовой комедии и до сих пор не забытый:

Ах! Добрый господин, ей-ей! **Законы святы,
Но исполнители — лихие супостаты**
[4, с. 296].

1. Берков, П. Н. Театр Фонвизина и русская культура // Русские классики и театр. - Л.; М.: Искусство, 1947. - С. 7–108.
2. Капнист, В. В. Собр. соч.: В 2 т. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т.1. - 777 с.
3. Лебедева, О. Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. - М.: Языки славянской культуры, 2014. - 472 с.
4. Судовщиков, Н. Р. Неслыханное диво, или Честный секретарь: Комедия в трех действиях, в стихах // Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII — начала XIX века: В 2 т. - Л.: Советский писатель, 1990. Т.1.- С. 542–632.
5. Сумароков, А. П. Стихотворения. - Л.: Советский писатель, 1953. - 344 с.
6. Фонвизин, Д. И. Бригадир: Комедия в пяти действиях // Русская комедия и комическая опера XVIII века. - М.; Л.: Искусство, 1950. - С. 123–166.
7. Шаховской, А. А. Предисловие к «Полубарским затеям» // Сын отечества. - 1820. - Ч.61, № 13. - С. 11–12.

EARTHLY COURT AND HEAVENLY COURT IN 18TH CENTURY RUSSIAN COMEDY

© 2021 Yu.N. Borisov

Yuriy N. Borisov, Candidate of Philology, Associate Professor.

E-mail: yunborisov@yandex.ru

Saratov State Conservatoire, Saratov

Saratov State University

Saratov, Russia

This article studies the semantics and poetics of appeal to God's Court which creates certain contextual meaning in satirical comedies devoted to revealing the truth about court injustice and heartless court officials. The analysis is based on the plays by D.I. Fonvizin, N.R. Sudovshchikov, and V.V. Kapnist. *Research methods:* holistic philological analysis of a literary text.

Key words: 18th century Russian comediology, satire, motive.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-56-59

1. Berkov, P. N. Teatr Fonvizina i russkaya kul'tvra (Fonvizin Theater and Russian Culture) // Russkiye klassiki i teatr. - L.; M.: Iskusstvo, 1947. - S. 7–108.
2. Kapnist, V. V. Sobr. soch.: V 2 t (Collected works: In 2 volumes). - M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. T.1. - 777 s.
3. Lebedeva, O. B. Poetika russkoy vysokoy komedii XVIII – pervoy trety XIX vekov (Poetics of Russian high comedy of the 18th - first third of the 19th centuries). - M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. - 472 s.
4. Sudovshchikov, N. R. Neslykhannoye divo, ili Chestnyy sekretar': Komediya v trekh devstviyakh, v stikhakh (An unheard-of miracle, or an Honest secretary: A comedy in three acts, in verse) // Stikho-tvornaya komediya, komicheskaya opera, vodevil' kontsa XVIII — nachala XIX veka: V 2 t. - L.: Sovetskiy pisatel', 1990. T.1.- S. 542–632.
5. Sumarokov, A. P. Stikhotvoreniya (Poems). - L.: Sovetskiy pisatel', 1953. - 344 s.
6. Fonvizin, D. I. Brigadir: Komediya v pyati devstviyakh (Brigadier: A Comedy in Five Acts) // Russkaya komediya i komicheskaya opera XVIII veka. - M.; L.: Iskusstvo, 1950. - S. 123–166.
7. Shakhovskoy, A. A. Predisloviye k «Polubarskim zateyam» (Preface to "Polubarian ventures") // Syn otechestva. - 1820. - CH.61, № 13. - S. 11–12.